

нормой жизни. Адам Олеарий, немецкий дипломат и известный ориенталист, уже в XVII в. был поражен тем, что даже крупные сановники, подписывая прошения царю, именовали себя не Иван, а Ивашка, не Петр, а Петрушка, твой холоп¹³. Прошло еще более двух веков, пока Екатерина II, воспринявшая идеи Просвещения и значимость дворянства как социальной силы, отменила этот дикий обычай. На Руси служение было родом добровольного рабства, где ценен был факт всецелого подчинения общественному целому, внутренней оправданности мизерности индивидуального интереса. Большое значение имеет здесь и фактор гипертрофированной роли государства в российской жизни, изначальной заданности на необходимость перманентного служения и готовность пожертвовать собой во имя общего дела.

Специфика русской религиозности проявляется и в идее мучения. Центральным праздником западного христианства является Рождество, центральным праздником Русской православной церкви — Пасха. Западные христиане считают важным то, что Христос родился и жил во имя людей, православные — то, что он умер в мучениях и искупил людские грехи. Эта принципиальная установка отражает характер русского отношения к самому фактору мучения как нормативной составляющей морального и правового бытия. Мучение является системообразующей идеей русского правосознания еще и потому, что и в самом факте любого столкновения с правом, а тем более с судом заложено представление о лживости, несправедности, изначальной обреченности на страдания. Наказание (справедливое или несправедливое) сопряжено с жестокостью и необходимостью мучения. Отсюда — великое множество мучеников и страстотерпцев в сонме святых Русской православной церкви. Мучение в традиционном русском правосознании проявляется как в активной, так и в пассивной форме. В первом случае проявлением мучения являются стойкость, назидание, искупление, страдание и сострадание, а также возможность вынести унижение. Это — удел избранных, пассионарных, святых в глазах людей и Церкви. Для большинства же уготовано второе, а это прояв-

ляется в малодушии, безразличии, терпении, смирении и покорности. «Данная идея в российской правовой культуре существенно оттого, что развитие этой стороны права стимулируется присущим русскому человеку универсализмом, нравственным восприятием правовой жизни»¹⁴.

Сигалов К.Е.,

профессор кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России

- 1 Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 12.
- 2 Семенов Ю.И. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. С. 444–445.
- 3 См.: Розов Н.С. Философия и теория истории. М., 2002. С. 350–353.
- 4 См.: Блок М. Феодальное общество. М., 2003. С. 434.
- 5 Возможность развилки была, ведь скандинавские народы, по сути дела, прошли тот же путь, что и Русь, но сумели выбрать именно западноевропейский код развития.
- 6 Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. С. 417.
- 7 См.: Малахов В.П. Философия права. М., 2002. С. 412
- 8 Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 48–49.
- 9 Учение о наследственном грехе как воздаянии за грех Адама и Евы, идея чистилища (чуждая православию), возможность выкупа греха (индальгенция), учение о добродетели как заслуге перед Богом и о сверхдолжных подвигах святых, накапливающих благодать, которая затем может распределяться церковью.
- 10 См.: Малахов В.П. Философия права. С. 412–413.
- 11 См.: Там же. С. 414
- 12 См.: Там же. С. 415.
- 13 См.: Олеарий А. Описание путешествия в Московию. В кн.: Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 362.
- 14 Малахов В.П. Философия права. С. 418.

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ ПРОПОРЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Теория пропорциональной избирательной системы зародилась в Швейцарии в конце XVIII — начале XIX в. Затем она была подхвачена революционной Францией во времена Великой французской буржуазной революции. В XIX в. движение в поддержку пропорциональной системы выборов было широко распространено во многих странах Западной Европы: Швеции, Бельгии, Англии, Франции и др. В настоящее время пропорциональная избирательная система получает все большее распространение в современном мире. Она применяется в Нидерландах, Израиле, Венесуэле, Португалии, Дании, Бельгии, Турции, Австрии, Швейцарии, Польше, Литве, Украине и других странах¹. В России эта система впервые была использована на выборах в Учредительное собрание в 1917 г. И спустя 90 лет — в 2007 г. — именно

пропорциональная система была применена на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва. В связи с этим представляет интерес изучение эволюции идеи пропорционального представительства в России с момента ее зарождения и до настоящего времени.

Идея пропорционального представительства в России появились в первой половине XIX в. Одним из первых русских мыслителей, высказавших мысль о том, что представители народа в законодательном органе власти должны выражать интересы всей страны, являлся декабрист Н.И. Тургенев. В своем главном труде «Россия и русские» он утверждал, что представители страны должны действовать только на пользу общества, всегда ставя гражданские интересы выше блага отдельной личности,

сословия или «узкого кружка»². По сути дела, здесь уже была высказана (хотя и в неявной форме) мысль о том, что в парламенте, как органе общенародного представительства, должны быть представлены не интересы отдельных социальных групп, а общезначимые интересы. А выразителями таких интересов, как известно, являются организации общегосударственного значения, к которым относятся политические партии.

В конце XIX — начале XX в. одним из значимых аспектов социально-политической жизни России были дискуссии о необходимости в стране политических партий, об их роли в формировании конституционализма и парламентаризма. Так, по мнению Б.Н. Чичерина: «Средоточием партий и главным поприщем их борьбы является представительное собрание, но значение их в последнем определяется тою поддержкой, которую дает им общество; чтобы получить перевес в представительстве, они должны склонить на свою сторону избирателей»³. Профессор В.М. Гессен писал: «Для того чтобы народное представительство являлось действительно представительством народа, необходимо отказаться от мажоритарной системы, не выражающей народную волю. Только при системе пропорциональных выборов народное представительство становится тем, чем оно должно быть по своей природе: политической картой, или зеркалом страны... Пропорциональные выборы предполагают существование в стране организованных политических партий»⁴. Н.М. Коркунов в свою очередь считал, что в условиях несформированной многопартийной системы именно пропорциональное представительство «прежде всего... дает избирателям возможность свободно группироваться по сходству и различию их воззрений и интересов»⁵.

Эти идеи российских философов и юристов, высказанные в конце XIX — начале XX в., звучат актуально в свете современных дискуссий по поводу целесообразности осуществленного в стране перехода к пропорциональной системе выборов в Государственную Думу РФ. Противники пропорциональной системы представительства, большинство из которых считает целесообразным сохранение прежней мажоритарно-пропорциональной системы, указывают прежде всего на такой недостаток этой системы, как слабая связь партийных депутатов с избирателями.

Для того чтобы лучше понять данную проблему, необходимо обратиться к специальным исследованиям тех ученых, которые одними из первых глубоко проанализировали этот вопрос. В частности, по мнению Н.И. Тургенева, при пропорциональной системе «избранные депутаты становятся представителями страны и должны действовать свободно, в меру своей просвещенности и честности. Они не являются и не могут являться исполнителями поручений избирателей. Если избиратели дают своему представителю особые наказы, и он их принимает, то это следствие пороков не избирателей, а органических недостатков самих институтов», в частности, избирательной системы⁶. Автор затронул здесь очень злободневную проблему о системе взаимодействия депутата и избирателей, а по сути дела — вопрос о свободном и императивном депутатском мандате, который сейчас активно обсуждается в российской специальной литературе.

При мажоритарно-пропорциональной системе выборов, мажоритарный элемент которой предполагал территориальное представительство интересов населения, депутат был обязан думать о своих избирателях, а пос-

ледние в свою очередь надеялись на то, что их представитель в Государственной Думе будет отстаивать их местные, территориальные интересы. Однако по новой избирательной системе территориальное представительство остается только на выборах в региональные законодательные органы государственной власти и органы местного самоуправления, главным же принципом формирования Государственной Думы становится принцип партийного политического представительства народа. И данное обстоятельство является несомненным достоинством новой избирательной системы. Однако при этом партийные депутаты в настоящее время слабо связаны с избирателями несмотря на то, что в региональные части партийных списков кандидатов входят представители региональных отделений политических партий, которые должны работать в соответствующих субъектах Российской Федерации. В этих условиях у депутатов появляется большой соблазн работать главным образом на реализацию интересов своей партии, которая, как известно, представляет интересы отдельной части общества. Между тем главное призвание Государственной Думы — заниматься общегосударственными проблемами и решать задачи общегосударственного значения.

Другой аргумент противников перехода на пропорциональную систему выборов в Государственную Думу связан с сомнениями по поводу представительности нижней палаты парламента, поскольку в российских политических партиях состоит всего лишь около одного процента населения страны. И этот аргумент также заслуживает самого серьезного внимания.

Тем не менее следует признать, что пропорциональная система выборов повышает значение партий в качестве посредников между государством и обществом в ситуации, когда перед страной со всей актуальностью стоит задача формирования эффективной партийной системы как основы парламентаризма. И об этом писали ученые еще в начале XX в. Так, по словам известного большевистского политического деятеля, профессора правоведения М.А. Рейснера, политические партии выполняют громадную работу, которая, заключается в том, чтобы «выяснить наличие социальных, политических и национальных противоположностей для превращения бессознательной, стихийной и глухой борьбы в сознательное и открытое состязание враждующих сторон при помощи мысли и слова. Все, что лежало издавна неопределенной и темной массой в народном сознании, все, что давило подобно кошмару народную грудь, все неопределенные веяния и подпольные ходы, все туманные призраки и ночные страхи — все это, благодаря партиям и их борьбе, выходит на божий свет, становится доступным оценке, исследованию, взвешиванию, измерению»⁷. Русский ученый в начале XX в., исследовав деятельность политических партий в ряде зарубежных стран: Австрии, Бельгии, Германии и др., сумел четко определить сущность политических партий, сформулированную спустя 100 лет в Федеральном законе Российской Федерации «О политических партиях», — это общественные объединения, созданные для формирования и выражения политической воли граждан. С позиций такого подхода политическая партия выступает как коллективный разум, аккумулирующий и переваривающий в себе различные идеи, отражающий настроение народа, положительно влияющий на политическое самоопределение общества, способствующий наполнению его политическими идеалами и целями.

Правда, в период зарождения российской многопартийности М.А. Рейснер (как и ряд других авторов) явно преувеличивал роль партий, считая главным смыслом их деятельности «создание из хаоса системы, из множества и разнообразия — единство». По его мнению, партии «объединяют разрозненных, собирают единомышленников, организуют армию, преданную одному делу, верующую в один катехизис. И ни одно миро-созерцание, ни один символ веры, имеющий общественное значение, не остается непредставленным. Идеология заступает место смутных инстинктов и стихийных тяготений, и каждая партия стремится выставить законченную, не только политическую, но и социальную, культурную и моральную программу. Частные интересы очищаются от временного и случайного и возводятся к принципу общего блага»⁸. При этом он не учитывал то обстоятельство, что, как показал последующий исторический опыт, наличие разных партий, провозглашающих различные идеологии, способно приводить к опасной поляризации общества.

Однако подобное идеологическое противоборство, чреватое социальным расколом, проявлялось там, где отсутствовали эффективный парламент и выборы по партийным спискам, где политическим партиям не удавалось в должной мере «оформить и структурировать энергию общества и в значительной мере взять на себя выражение основных социальных интересов»⁹. При достаточно развитой партийной системе партии могут охватить своим влиянием все политически значимые сферы общественной жизни. «Нет вопроса, — пишет М.А. Рейснер, — которого бы они не касались, нет угла, куда бы они не проникли»¹⁰. В своих политических программах партии дают оценку существующего положения общества, государства, его правовой системы, намечают проекты будущего общественно-политического устройства страны, формулируют политические цели и задачи, которые они будут решать в случае прихода к власти.

Программа политической партии всегда стремится доказать какой-то определенной группе граждан, что партия намерена работать именно на ее интересы, и она лучше других решит проблемы данной категории населения. Но когда дело доходит до выборов, партии обычно забывают об интересах «целевой аудитории», пытаясь привлечь на свою сторону «массового избирателя», то есть угадать преобладающие в обществе настроения, в угоду которым они и выстраивают свои программы. В условиях современной России, где главным мотивом голосования по-прежнему является харизма партийного лидера, это приводит к тому, что предвыборные программы партий в существенной мере похожи друг на друга. Что касается наличия в этих программах идеологических ориентаций или хотя бы четкой политической концепции, то можно констатировать тенденцию отказа партий от присоединения к традиционным идеологическим направлениям, например либеральному, консервативному, социал-демократическому, и от выработки ясных идеологических формулировок.

Первый опыт применения пропорциональной избирательной системы на выборах депутатов Государственной Думы пятого созыва позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, процесс формирования многопартийной системы в России еще не завершился. Свообразие российского варианта многопартийности состоит в том, что есть одна лидирующая партия власти, опирающая-

ся на мощный административный аппарат, на поддержку Президента, есть партии, имеющие свою идеологию (КПРФ) и ярких лидеров (ЛДПР), и наконец, есть явно слабые партии-аутсайдеры, не способные выдержать испытания предвыборной борьбы.

Во-вторых, значительно обогатился арсенал средств и способов проведения избирательной кампании политическими партиями. Один из самых удачных приемов продемонстрировала партия «Единая Россия», которая в федеральную часть своего партийного списка включила всего одного беспартийного кандидата, но зато какого — Президента РФ. И фактически отпала необходимость этой партии сочинять свою предвыборную программу, так как ее успешно заменил «План Путина».

В-третьих, сократилось число нарушений избирательного законодательства в ходе последних выборов, что также свидетельствует о повышении правовой культуры всех участников избирательного процесса.

В-четвертых, наметилась стабилизация в деятельности Государственной Думы, что объясняется постоянством ее состава. Однако нельзя забывать, что парламент — это место для дискуссий, в ходе которых рождается истина, вопреки мнению главы победившей на выборах партии.

*Ерыгина В.И.,
доцент кафедры теории и истории государства
и права Белгородского государственного
университета, кандидат исторических наук, доцент*

¹ Зарубежное избирательное право: Учеб. пособие. М., 2003. С. 28–31.

² См.: Тургенев Н.И. Россия и русские // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX вв.: Хрестоматия / Отв. ред. А.А. Вешняков, Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, Российский центр обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. М., 2003. С. 36.

³ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899. С. 704.

⁴ Гессен В.М. Основы конституционного права. Пг., 1918 // Учеб. пособие: В 2 ч. Ч. II Конституционно-правовая мысль XIX–XX вв.: Хрестоматия по общему конституционному праву. М., 1994. С. 216–219.

⁵ Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. Введение и общая часть. СПб., 1904. С. 402.

⁶ Тургенев Н.И. Россия и русские // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX вв.: Хрестоматия / Отв. ред. А.А. Вешняков, Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, Российский центр обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. М., 2003. С. 37.

⁷ Рейснер М.А. Основные черты представительства // Конституционное государство. Сборник статей: З. Авалова, В.В. Водовозова, прив.-доц. М.Б. Горенберга, А.К. Дживелева, проф. Н.И. Кареева, Н.Б. Кудрина, прив.-доц. Н.И. Лазаревского, М.Н. Покровского и М.А. Рейснера. СПб., 1905. С. 160.

⁸ Там же. С. 161.

⁹ Лапаева В.В. Право и многопартийность в современной России. М., 1999. С. 86.

¹⁰ Рейснер М.А. Основные черты представительства // Конституционное государство. Сборник статей: З. Авалова, В.В. Водовозова, прив.-доц. М.Б. Горенберга, А.К. Дживелева, проф. Н.И. Кареева, Н.Б. Кудрина, прив.-доц. Н.И. Лазаревского, М.Н. Покровского и М.А. Рейснера. СПб., 1905. С. 164–165.